

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ В СОЦИОЛОГИИ

Нечаева, А. А.

*Аспирант кафедры социологии культуры, факультета социологии
Санкт-Петербургского Государственного Университета
Санкт-Петербург
alex.nechayeva@gmail.com*

CULTURAL MEMORY IN SOCIOLOGY

Nechaeva, A.

*Student of sociology of culture, sociology faculty of St. Petersburg State
University
St. Petersburg
alex.nechayeva@gmail.com*

АННОТАЦИЯ

В статье раскрываются предпосылки возникновения интереса к изучению коллективной памяти. Показана особенная актуальность целостного понимания функционирования коллективной памяти в наши дни. Прослеживается эволюция социологических взглядов на феномен памяти, приведший к созданию концепции культурной памяти. Статья описывает взгляды таких ученых как Хальбвакс, Варбург, Выготский, Бахтин, Ассман, Нора и Лотман. Подтверждается вывод о том, что прошлое является не объективной данностью, а актуальным продуктом культурной памяти.

ABSTRACT

The article reveals the prerequisites of the interest in research made into collective memory. A great significance of the holistic understanding of the functioning of collective memory is shown. The article dwells upon the evolution of sociological views on the phenomenon of memory, which led to the creation of the concept of cultural memory. This article describes the ideas of the following scientists: Halbwachs, Warburg, Vygotsky, Bakhtin, Assmann, Nora and Lotman.

It supports the conclusion that the past does not belong to objective reality, but rather it is an actual product of cultural memory.

Ключевые слова: коллективная память; культурная память; историческая память; места памяти; идентичность; коммуникативная память; социальные рамки памяти

Key words: collective memory; cultural memory; historical memory; memory space; identity; communication memory; social frameworks of memory

Вопросы, связанные с исследованием феномена памяти, поднимались в философии практически с момента ее зарождения. Например, учение Платона об анамнезисе раскрывало взаимосвязь памяти и познания, где познание происходит за счет воспоминания души о том, что было ей известно за пределами земной жизни, в мире идей. Собственно человеческая память представляется Платону хранилищем отпечатков, оставленных впечатлениями. Аристотеля также волновали вопросы памяти, которые он описал в своем трактате о «Памяти и припоминании». Аристотель полагал, что в памяти запечатлеются не сами предметы, а ощущения от них, при накоплении которых формируется опыт. Согласно Аристотелю, памятью могут обладать как люди, так и животные, но способность к припоминанию встречается только у людей.

Но в фокусе исследовательского внимания феномен памяти оказался с наступлением двадцатого века. Ряд ученых, таких как П. Рикёр, Т. Адорно, П. Бергер, Н. Луман, М. Фуко и другие рассматривали память как социальное явление. Кроме того, двадцатый век характеризуется поворотом к изучению коллективного сознания и, следовательно, уже не индивидуальной, а коллективной памяти и взаимосвязи между ними. Повышенный интерес к изучению памяти можно объяснить такими явлениями двадцатого века как процессы глобализации, информатизации, ускорения истории. В подобных условиях становится все сложнее интерпретировать историю государств и

этносов, осознавать собственную идентичность. Интернет как глобальная сеть открывает доступ к неперестанно множающемуся контенту, а избыточность информации затрудняет возможность ориентироваться в ней. Кроме того, XX век был отмечен рядом громких трагических событий, ставшими частью общей мировой истории. Стремление определить роль и место данных событий в коллективной памяти также повлекло за собой множество исследований. Изучение культурной памяти, в первую очередь, должно решить обострившуюся в XX веке проблему разрушения единства культурно-исторической памяти народов.

Особенно актуально вопрос изучения культурной памяти встает в России в связи с распадом Советского Союза в 1990-х годах и последовавшей за ним геополитической ситуацией. С прекращением существования единой системы культурной памяти, которая транслировалась в СМИ и контролировалась государством, исчезло единство культурной памяти народов, которые составляли историческую общность. Сложности в понимании собственной идентичности и ее поиски привели к слому существовавшей на тот момент общей исторической памяти, появлению полярности в оценках событий прошлого. Неспособность прийти к согласию относительно ценностного поля коллективной памяти, к консенсусу в восприятии исторических событий является одним из оснований существующего на данный момент конфликта России и Украины.

В XX веке память стала пониматься как активная система, во многом зависящая от культурного контекста и социальной группы, политических идей и способов распространения информации. Было проведено различие между историей и культурной памятью. История имеет дело исключительно с событиями прошлого, пытается описать факты максимально объективно. Культурная память наоборот связывает события с настоящим, текущим моментом, вписывает их в социальный и культурный контекст. Благодаря культурной памяти события перестают быть отдельно взятыми фактами, они

наделяются оценками, символическими коннотациями, занимают определенное место.

Еще до появления термина «коллективная память» в социологии начала XX века появились предпосылки к изучению данного феномена. Эмиль Дюркгейм в труде «Элементарные формы религиозной жизни» поставил вопрос о коллективных ритуальных действиях, которые служат консолидации группы, сохранению ее идентичности и коллективной памяти. С. Чарновский в 1919 году изучал национальные культы чествования героев-образов, как коммеморативную практику, связанную с формированием и сохранением идентичности группы. В рамках концепции символического интеракционизма Кули и Мид ставили вопрос о социальных предпосылках изменения коллективных представлений об истории и о влиянии образов прошлого на существование общества в настоящем. В дальнейшем к памяти социологи обращались при анализе проблем сознания, знания (К. Мангейм, Ж. Гурвич), поколений (М. Шелер), традиций (Э. Шилз, Ю. А. Левада и др.).

Понятие «коллективной памяти» ввел в 1925 году Морис Хальбвакс, представитель школы Дюркгейма, рассуждавший о коллективной памяти в таких трудах как «Социальные рамки памяти» и «Коллективная память». Хальбвакс провел взаимосвязь между коллективной памятью и построением идентичности группы. Хальбвакс пишет о социальной обусловленности памяти, используя концепцию «социальных рамок», которые определяют содержание памяти индивида. Заметный вклад в теории Хальбвакса внесла концепция Э. Дюркгейма о коллективных представлениях и коммеморативных ритуалах. Опираясь на данные концепции, Хальбвакс полагает, что при попытке вспомнить какие-либо события индивид обращается к ориентирам, которые существуют в обществе в воспоминаниях других людей. Коллективная память, по Хальбваксу, не просто регистрирует произошедшие в прошлом события, но и воссоздает целостные картины прошлого. Вспоминающий индивид в процессе воссоздания прошлого помещает воспоминания в определенные исторические рамки, определяет

отношение к событиям. Все это становится возможным благодаря тому, что данный индивид является членом какой-либо социальной группы.

В своей работе «Коллективная память» Хальбвакс описывает взаимосвязь индивидуальной и коллективной памяти. По мнению автора, память каждого человека индивидуальна, уникальна и отличается от памяти других людей, при этом она опирается на социальные ориентиры группы, в которую этот человек входит. Коллективная же память учитывает индивидуальные памяти, но не является их простой совокупностью. Наличие исторической коллективной памяти возможно только благодаря коммуникации. Индивид помнит не только события, произошедшие лично с ним, но и ситуации, о которых ему было рассказано. Таким образом, его личные воспоминания всегда вписываются в контекст коллективных. Важным отличием коллективной памяти от индивидуальной является еще и то, что коллективная память способна продолжать жить, даже когда не осталось ни одного человека, являющегося свидетелем произошедшего события. Различить культурную и индивидуальную память можно, только если речь идет об абстрактных понятиях, в реальности же они существуют неразрывно друг от друга. «Прошлое, — отмечает Хальбвакс, — не возникает вновь неизменным, а реконструируется исходя из настоящего... коллективные рамки памяти служат орудием, которым пользуется коллективная память для воссоздания таких образов прошлого, какие в данный период согласны с господствующими идеями данного общества» [7]. Выготский также исследовал зависимость индивидуальной памяти от социальной среды, продолжая идею Хальбвакса о «социальных рамках».

Одновременно с Хальбваксом, в 1920-е годы, изучением коллективной памяти начал заниматься немецкий исследователь Аби Варбург. Варбурга в первую очередь интересовало, как проявляется социальная память в произведениях искусства. Он полагал, что произведения искусства транслируют культурную идентичность того общества и той эпохи, в которых они были созданы. Варбург является автором труда «Mnemosyne»,

где исследуются изображения, символы и жесты, а также случаи их применения в искусстве. Согласно Варбургу, именно в них и заключена социальная память, которая распространяется в «сообществе вспоминающих». Именно символы, заключенные в предметах искусства, представлялись Варбургу хранителями памяти. Варбург стремился проследить новую жизнь и использование архаических символов Античности в Западноевропейском искусстве, но не в качестве сознательной стилизации, а как новое бессознательное переживание архаического пласта античной культуры. Его интересовало духовное взаимодействие авторов произведений искусства с историческим материалом. «В последние годы жизни Варбург исследовал «переживание» античных образов в постренессансном искусстве Европы. На примере «Завтрака на траве» К. Мане он показывал, как через Рембрандта возвращаются образы нимф и речных богов с античных саркофагов» [2].

Отражение идеи о сохранении коллективной памяти в художественной форме можно найти также у М. Бахтина. Он исследовал феномен литературного жанра как взаимосвязь автора с архаической структурой, транслирующей коллективную память. Эта память сохраняется благодаря постоянному обновлению, так как жанр модифицируется в зависимости от требования времени. Жанр, по Бахтину, несет в себе творческую память и влияет на каждого автора, который прибегает к нему, заключая индивидуальное творчество автора в определенные рамки канона.

Сложившаяся в социологии с 1980х годов ситуация характеризуется как «бум памяти». Впервые было употреблено понятие «культурная память», его ввел немецкий ученый Ян Ассман. Ассман понимал культурную память как способ заново обратиться и актуализировать культурное наследие. Культурная память аккумулирует в себе информацию, которая регулирует взаимодействия людей в обществе, которая передается из поколения в поколение и подлежит повторению и усвоению. Ассман проводит различие между коммуникативной и культурной памятью. Коммуникативную от

культурной отличает ее недолгосрочный характер, как правило, коммуникативная память формируется в процессе интеракций участников группы в устной форме на протяжении жизни одного поколения деда – отцы – сыновья, то есть 80-100 лет. В отличие от культурной памяти, коммуникативная не имеет определенных «точек фиксации».

Культурная память сохраняется и формируется на протяжении столетий. Ассман полагает, что она должна быть запечатлена во вневременных структурах, таких как монументальные сооружения, тексты, изображения, кроме того, он относит к ним церемониальную коммуникацию, ритуалы. Таким образом, носитель культурной памяти не обязательно должен быть непосредственным участником «актуального сообщества вспоминающих». Соглашаясь со своими предшественниками, Ассман считает, что культурная память способствует единству и самоидентификации социальной группы. При этом он добавляет, что события, запечатленные в культурной памяти, всегда актуальны и связаны с современным положением дел в определенной группе. Ассман описывал феномен культурной памяти на примере древнеегипетских культов, в том числе культа захоронения мертвых. Он стремился показать, что гробница и изображенные на ней символы являются не только индивидуальным средством вознесения умершего над временем, но и транслятором культурной памяти: через единство традиции изображения и наполнения их смыслами передается картина мира и самоидентификация древних египтян. Изначальной формой культурной памяти в целом Ассман считает воспоминания живых об умерших. Сами воспоминания появляются лишь тогда, когда четко видна разница между прошлым и настоящим. Эта разница осознается наиболее четко при столкновении со смертью и воспоминании об умершем. Воспоминания об умерших формируют именно культурную память, так как их сохранение связано с различными ритуалами, обрядами, организацией особых социальных институтов.

Цель изучения культурной памяти Ассман видит не в поиске объективных исторических фактов, а в выявлении актуальности воспоминаний. Почему и каким образом именно они сохранились в памяти социальной группы? Важным становится именно значение, которое в настоящем придается событиям прошлого.

Пьер Нора в 1980е годы развивал концепцию «мест памяти». По мнению Нора, «места памяти» кристаллизуют в себе культурную память. Они становятся особенно необходимыми, когда память утеривается, изменяется, дробится.

Нора пишет о том, что «места памяти» должны сочетать в себе три измерения места: материальное, символическое и функциональное. Проблему, с которой столкнулось современное общество, а также причины, по которым изучение мест памяти на данный момент является наиболее актуальным, Нора описывает в следующих строчках своего труда «Франция-память»: «О памяти столько говорят только потому, что ее больше нет. Интерес к местам памяти, где память кристаллизуется и находит свое убежище, связан именно с таким особым моментом нашей истории. Это поворотный пункт, когда осознание разрыва с прошлым сливается с ощущением разорванной памяти, но в этом разрыве сохраняется еще достаточно памяти для того, чтобы могла быть поставлена проблема ее воплощения. Чувство непрерывности находит свое убежище в местах памяти» [6]. Нора связывает тенденцию к усилению всех институтов памяти, стремлению к тотальному занесению в архивы, созданию музеев, расширению мемориального поля с ощущением утери коллективной памяти, с непониманием того, что нужно будет вспомнить в будущем.

Предназначение мест памяти лежит в сохранении коллективной памяти группы людей, создавать представление об их идентичности и роли в истории. Любая песня, географическая локация, персоналия, книга, оваянная «символической аурой воспоминания» может выполнять роль места памяти. Символическое значение мест памяти может меняться с течением времени и

изменением актуальной для вспоминающих ситуации. Изучая перемены «мест памяти» нации, Нора полагает возможным изучить изменение исторического самосознания и коллективной идентичности. Нора предлагает три сценария исторической жизни «мест памяти»: некоторые из них забываются и полностью вытесняются из исторической памяти; некоторые ранее забытые «места памяти» могут вновь занимать важное место в коллективной памяти нации; некоторые «места памяти» играли важную роль непрерывно.

Нора проводит различие между памятью и историей. Он полагает, что то, что мы сегодня называем памятью, на самом деле уже имеет отношение лишь к истории. Он пишет: «Память помещает воспоминание в священное, история его оттуда изгоняет, делая его прозаическим» [6]. Он считает историю лишь репрезентацией прошлого, а память – всегда актуальным феноменом, который находится в постоянной взаимосвязи с «вечным настоящим».

Лотман определяет саму культуру как коллективную память, надындивидуальную выработку и интерпретацию текстов. Таким образом, культура возможна там, где сохраняются и являются актуальными общие тексты, то есть там, где существует пространство общей памяти. Лотман полагает, что культурная память хранит в себе общие для группы тексты и систему кодов для их понимания. Кроме того, Лотман признает неоднородность культурной памяти, высказывая точку зрения, согласно которой существуют культурные субструктуры, соответствующие внутренней организации отдельных коллективов. Чтобы тексты культуры могли быть поняты различными коллективами, они зачастую нуждаются в дополнениях и комментариях.

Лотман разделял два типа памяти: «память информативную» и «память креативную». В информативной памяти сохраняются итоги познавательной деятельности, которые развиваются с течением времени по принципу «самый новый – самый ценный». Креативная память охватывает весь пласт

культурных текстов сразу, при этом их значимость может изменяться и актуализироваться с течением времени. Как пишет Лотман, «актуальные тексты высвечиваются памятью, а неактуальные не исчезают, а как бы погасают, переходя в потенцию» [5]. Лотман считает, что каждая культурная память определяется парадигмой относительно того, что стоит помнить, а что подлежит забвению. Таким образом, культурная память способна противостоять времени. Основной вывод, который делает Лотман, следующий: память является не пассивным хранилищем данных, но активным текстообразующим механизмом.

Подводя итог рассмотренных концепций коллективной и культурной памяти, можно сказать, что все они сходятся в общем понимании прошлого. Прошлое не считается объективным, возникающим самим по себе, а является скорее искусственно созданным в памяти продуктом современности. Воспоминания, в свою очередь, являются не данностью, а сформированной общественной конструкцией.

Список литературы

1. Андреева Е. В. Культурное наследие как ядро культурной памяти и его роль в сохранении духовной целостности российской цивилизации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Ростов-на-Дону: РГУ, 2007. 26 с.
2. Арнаутова Ю. А. Культура воспоминания и история памяти. История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени/ Под ред. Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2006. с. 47 – 55 с.
3. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
4. Зотов А. Об истоках исследований обыденных и научных представлений о прошлом в социологии XX – XXI веков. Взаимодействие социальной и индивидуальной памяти: к истории вопроса.// Обыденное и

научное знание об обществе: взаимовлияния и реконфигурации: [монография]/ Под ред. И. Ф. Девятко, Р. Н. Абрамова, И. В. Катерного. М.: Прогресс-Традиция, 2016. с. 233 – 246 с.

5. Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении// Лотман Ю. М. Избранные статьи. Т. 1. – Таллин, 1992. – с. 200 – 202 с.

6. Нора П. Проблематика мест памяти// Франция-память/ П. Нора, М. Озуф, Ж. ле Пюимеж, М. Винок. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского Государственного университета, 1999. 328 с.

7. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.